

Обвинения, предъявленные двум российским бизнесменам, были законны, но судебное рассмотрение их дела было несправедливым, а их направление в отдаленные исправительные колонии – необоснованным

Дело Ходорковского (№2) и Лебедева (№2) (жалобы №№ 11082/06 и 13772/05) касались уголовного разбирательства, которое завершилось кассационным постановлением Московского Городского Суда в сентябре 2005 года. В результате этого разбирательства г-да Ходорковский и Лебедев, бывшие руководители и собственники группы промышленных компаний, были признаны виновными в уклонении от уплаты налогов в крупном размере и присвоении чужого имущества. Уголовное разбирательство, которое стало предметом рассмотрения в настоящем деле, в России известно как «первое дело Ходорковского и Лебедева».

При этом данное дело является уже вторым, поступившим от Ходорковского и Лебедева в Европейский Суд. Две первые жалобы (№№ 5829/04 и 2293/04) касались начала уголовного преследования в отношении заявителей и были рассмотрены Судом в 2011 и 2007 годах.

В постановлении Палаты, вынесенном сегодня (постановление еще не вступило в законную силу), Европейский Суд по правам человека сделал следующие выводы:

не была нарушена статья 3 (запрет бесчеловечного и унижающего достоинство обращения) в том, что касалось условий содержания г-на Лебедева под стражей, однако **имело место нарушение статьи 3** в отношении унижительного содержания его в металлической клетке во время судебных слушаний;

была нарушена статья 5 §§ 3 и 4 (право на свободу и личную неприкосновенность) в том, что касалось длительности содержания г-на Лебедева под стражей и запоздалого рассмотрения его жалобы на продление срока содержания под стражей от декабря 2004 года, а **в остальном нарушения статьи 5 не было;**

не была нарушена статья 6 § 1 (право на справедливое судебное разбирательство) в отношении беспристрастности председателя суда, а также в том, что касалось времени и условий для подготовки защиты; однако **статья 6 §§ 1 и 3 (с) и (d) была нарушена** в связи с тем, что власти не уважали конфиденциальность контактов между заявителями и их адвокатами, а также потому, что получение и изучение доказательств в суде было несправедливым;

не была нарушена статья 7 (требующая, чтобы наказание было основано на законе) в том, что касалось применения налогового законодательства для привлечения заявителей к уголовной ответственности; Европейский Суд счел, что закон был применен разумно и в соответствии с таким пониманием уклонения от уплаты налогов, которое вытекает из здравого смысла;

была нарушена статья 8 (уважение частной и семейной жизни) в связи с отправкой Ходорковского и Лебедева для отбывания наказания в исправительные

колонии, расположенные в Читинской Области и на Дальнем Севере, за тысячи километров от Москвы и их семей;

была нарушена статья 1 Протокола № 1 к Конвенции (защита собственности) в связи с необоснованным решением суда обязать Ходорковского возместить государству сумму налогов, которые не были уплачены компанией ЮКОС;

не была нарушена статья 18 (запрет на ограничение прав в целях, не предусмотренных Конвенцией) в отношении жалобы Ходорковского и Лебедева о том, что их уголовное преследование было политически мотивированным; и

была нарушена статья 34 (право индивидуальной жалобы) в связи с тем, что власти оказывали давление на юристов Ходорковского.

Основные факты

Заявители – Михаил Борисович Ходорковский и Платон Леонидович Лебедев – являются российскими гражданами. В настоящий момент они отбывают наказание в Карелии и Ямало-Ненецком округе.

До их ареста заявители были руководителями и мажоритарными акционерами крупной промышленной группы, которая включала в себя ЮКОС (нефтяная компания), Апатит (горнодобывающее предприятие), Менатеп (банк), и другие компании. Заявители были в числе богатейших российских граждан. Кроме того, г-н Ходорковский (первый заявитель) участвовал в политической жизни: он спонсировал оппозиционные партии и поддерживал деньгами благотворительные программы и работу неправительственных организаций. В сфере бизнеса ЮКОС реализовывал масштабные проекты, которые шли в разрез с политикой государства на нефтяном рынке.

По мнению заявителей, политические амбиции Ходорковского и его независимость в деловой сфере подтолкнули Президента Путина к тому, чтобы организовать уголовное преследование менеджеров ЮКОСа, которое привело к их осуждению и тюремному заключению, а также к распаду бизнес-империи ЮКОСа.

В 2003 году Генеральная Прокуратура открыла уголовное дело, которое касалось мошеннического приобретения акций горнодобывающего предприятия – ОАО Апатит – в 1994 году. В июле 2003 года г-н Лебедев был арестован по этому делу и заключен под стражу. В октябре 2003 года прокуратура арестовала и г-на Ходорковского и предъявила ему обвинения.

События, относящиеся к аресту и первым месяцам содержания заявителей под стражей, были исследованы Судом в рамках жалоб №№ 5829/04 и 4493/04. Судебные процедуры, связанные с налоговым делом самого ЮКОСа, а также с исполнением судебных решений в пользу государства, были рассмотрены Судом в деле № 14902/04.

В ходе расследования обвинения против заявителей были дополнены новыми эпизодами. Так, заявителей обвинили в том, что через своих подчиненных они зарегистрировали несколько компаний в зоне со льготным налоговым режимом. Эти компании якобы работала на территории этой «особой налоговой зоны», и поэтому получили налоговые льготы. Однако в действительности торговые компании не осуществляли там никакой деятельности и существовали только на бумаге.

Заявителей также подозревали в том, что они уходили от налогов путем декларирования своих доходов не как зарплат по месту работы, а как гонораров за «консультационные услуги». Заявителям были предъявлены и другие обвинения в экономических преступлениях.

В 2003 году Генеральная Прокуратура произвела серию обысков и изъяла огромное количество документов и электронных файлов. Многие работники ЮКОСа покинули Россию, другие были допрошены как свидетели или предстали перед судом как обвиняемые.

В ходе процесса заявителей представляла команда высококвалифицированных юристов. Однако администрация СИЗО, а также судья во время процесса требовали от адвокатов показывать им всю переписку с заявителями. Несколько раз адвокаты, которых подозревали в нарушении этого правила, были подвергнуты личному обыску.

Судебный процесс открылся в июне 2004 и продолжался до мая 2005 года. В зале судебных заседаний заявителей содержали за металлической решеткой, которая отделяла их от публики и от их юристов. Обмен документами между адвокатами и их клиентами был возможен только при условии предварительного просмотра председательствующим судьей. Офицеры конвоя могли слышать устные переговоры адвокатов с их клиентами.

Во время судебного разбирательства суд заслушал десятки свидетелей обвинения и изучил сотни страниц документов. Заявители попросили исключить часть документов из числа доказательств, представленных прокуратурой, ссылаясь на то, что они были получены незаконно, но суд принял эти документы к рассмотрению. Заявители также пытались допросить некоторых свидетелей обвинения, в частности, двух экспертов, но суд их не вызвал.

По сути обвинений заявители не признали себя виновными. Они утверждали, что торговые компании, зарегистрированные в «особой налоговой зоне», работали на основании соглашений, заключенных с местными властями, и что компании соответствовали всем формальным требованиям для получения налоговых льгот, которые предъявлял закон. В течение многих лет налоговая служба не имела никаких претензий к работе торговых компаний.

В 2005 году защита начала представлять свои доказательства. Однако, большинство из них было отклонено судом как недопустимые. Так, например, суд отказался рассмотреть несколько заключений экспертов в области налогового права и бухгалтерии, а также отверг заключения двух больших аудиторских фирм. По сути, суд решил, что у защиты нет права получать экспертные заключения, при том, что эксперты, назначенные прокуратурой, уже представили свои выводы. Защита также просила суд истребовать некоторые документы, в частности, служебную переписку, но в этом тоже было отказано.

В 16 Мая 2005 года заявители были признаны виновными по большинству из предъявленных им обвинений и приговорены к девяти годам лишения свободы. Кроме того, суд постановил взыскать с них в пользу государства более 17 миллиардов рублей (более 510 миллионов евро) в счет тех налогов, которые не были уплачены компанией ЮКОС. 22 сентября 2005 года Московский Городской Суд подтвердил приговор в основной части, снизив наказание до восьми лет.

Оба заявителя были направлены отбывать наказание в отдаленные исправительные колонии. Г-н Ходорковский оказался в Читинской области, за шесть тысяч километров от дома, а г-н Лебедев отбывал свое наказание на полуострове Ямал, в трех тысячах километрах от Москвы.

Дело заявителей привлекло большое общественное внимание в России и за ее рубежами. Многие выдающиеся общественные деятели и влиятельные организации высказывали сомнения в справедливости уголовного преследования Ходорковского и его коллег. Российское правительство отрицало все обвинения в том, что у уголовного преследования были какие-то скрытые мотивы.

Процедура и состав суда

(см. текст пресс-релиза по-английски)

Решение Суда

Статья 3: условия содержания в СИЗО (г-н Лебедев)

Г-н Лебедев изложил свою жалобу об общих условиях содержания в СИЗО недостаточно подробно. Что касается условий в одиночной камере, куда его поместили на семь дней в 2005 году, условия там были действительно очень тяжелыми, но, ввиду краткости его пребывания в одиночке, ситуация не достигла «минимального порога жестокости», который требуется, чтобы найти нарушение статьи 3.

Суд также отметил, что г-ну Лебедеву не давали горячей пищи в дни судебных заседаний и не позволяли гулять в тюремном дворике. Однако заявитель мог позволить себе покупать продукты за свой счет, заваривать чай или блюда быстрого приготовления в здании суда, а также у него была возможность, хотя бы иногда, заниматься физкультурой. В отсутствие другихотягчающих факторов, таких как переполненность или плохие условия перевозки заключенных к зданию суда, Суд заключил, что условия содержания второго заявителя не были «бесчеловечными или унижающими достоинство».

- **Вывод: нарушения не было (единогласно)**

Статья 3: условия содержания в зале судебных заседаний (г-н Лебедев)

Что касается содержания г-на Лебедева в железной клетке во время судебных заседаний, Суд отметил, что заявителя обвиняли в экономических преступлениях, что у него не было судимостей, и не было ничего, что указывало бы на его склонность к насилию. Ход судебного процесса освещался всеми основными российскими и зарубежными СМИ; таким образом, заявитель регулярно предстал перед публикой за решеткой. Такие меры безопасности, с учетом их кумулятивного эффекта, были излишними и могли расцениваться самим г-ном Лебедевым и публикой как унижительные.

- **Вывод: нарушение (единогласно)**

Статья 5 § 3: длительность содержания под стражей (г-н Лебедев)

Г-н Лебедев был арестован 2 июля 2003 года. В деле Лебедев № 1 Суд не нашел нарушения статьи 5 § 3 в связи с содержанием заявителя под стражей в течение первых месяцев после его ареста. В настоящем деле возник новый вопрос: насколько содержание Лебедева под стражей было обоснованным в течение последующего периода, и вплоть до его осуждения в мае 2005 года. Суд отметил, что после того, как было закончено предварительное следствие, риск того, что заявитель может уничтожить доказательства, уменьшился. Вдобавок, г-н Лебедев потерял контроль над компанией ЮКОС, и, соответственно, снизилась степень его

влияния на работников компании. Далее, ссылки национальных судов на риск побега заявителя, а также на его «международные связи» и «личность» были слишком неконкретными. Наконец, при продлении содержания под стражей суд использовал стереотипные формулировки и не рассмотрел возможность применения альтернативных мер пресечения. На этом основании Суд заключил, что национальные суды не потрудились серьезно рассмотреть вопрос о том, насколько было необходимо продлевать содержание под стражей г-на Лебедева.

- **Вывод: нарушение (единогласно)**

Статья 5 § 4: процедура, в которой рассматривался вопрос о содержании под стражей (г-н Лебедев)

Суд отметил, что в ходе подготовки к рассмотрению судом вопроса о мере пресечения г-ну Лебедеву между сторонами наблюдалось некоторое неравенство, однако не такое серьезное, чтобы нарушать статью 5 § 4. Что касается отсутствия в кассационном определении ответа на аргументы защиты, этот вопрос уже рассматривался в контексте статьи 5 § 3. Наконец, Суд изучил насколько быстро рассматривались кассационные жалобы Лебедева на решения о продлении ему содержания под стражей. Суд решил, что 26-дневный срок рассмотрения кассационной жалобы на решение суда от 14 Декабря 2004 был необоснованно долгим.

- **Вывод: нарушение в отношении запоздалого рассмотрения кассационной жалобы на решение суда от 14 декабря 2004, и отсутствие нарушения по другим основаниям (единогласно)**

Статья 6: беспристрастность судьи

Оба заявителя утверждали, что процедурные решения, которые судья Колесникова принимала в ходе процесса, свидетельствовали об ее пристрастности в отношении заявителей. Однако, по мнению Суда, само по себе этого было недостаточно, чтобы доказать ее предрасположенность.

Далее, заявители говорили, что параллельно с их процессом Генеральная прокуратура вела дело против самой судьи Колесниковой. Суд, однако, отверг это предположение как основанное только на слухах.

Наконец, заявители утверждали, что судья Колесникова была пристрастна из-за ее собственных выводов в деле Шахновского, другого бывшего топ-менеджера ЮКОСа. Г-н Шахновский был признан виновным в том, что он тоже получал свою зарплату в форме «гонораров за консультационные услуги», что давало ему право на налоговые вычеты. Суд согласился, что некоторые выводы судьи Колесниковой в деле Шахновского почти точно повторяли ее выводы в деле заявителей. Однако Суд отметил, что в практике уголовного судопроизводства часто встречается ситуация, когда обвинения против обвиняемых рассматриваются одним и тем же судьей в рамках различных дел. По российскому праву судья Колесникова не была связана своими выводами, сделанными ранее; в ее приговоре по делу Шахновского не было написано ничего, что предопределяло бы вывод о вине заявителей. Тот факт, что в деле Шахновского она приняла некоторые доказательства для изучения, не мешал ей не принимать их в последующих процедурах.

- **Вывод: нарушения не было (единогласно)**

Статья 6 § 1: справедливость судебного разбирательства

Время и возможности для подготовки защиты

Суд отметил, что у г-на Лебедева было 5 месяцев и 20 дней для того, чтобы прочитать 41 тысячу страниц его уголовного дела, а у г-на Ходорковского было 5 месяцев и 18 дней для чтения его дела, которое насчитывало 55 тысяч страниц. Суд отметил сложность документов, которые входили в материалы дела, необходимость делать выписки, сравнивать документы, и обсуждать их с адвокатами. Суд также принял во внимание перерывы в процессе ознакомления с делом, а также сложные условия, в которых защита работала с делом (невозможность снимать фотокопии в СИЗО, невозможность хранить копии документов дела в камере, ограничения на получения копий документов от юристов и т.д.). Однако заявители не были обычными обвиняемыми: каждый из них пользовался услугами группы высококлассных и известных адвокатов, нанятых по договору. Адвокаты могли снимать копии с дела, заявители могли делать выписки и хранить при себе записные книжки. Оба заявителя также имели высшее образование и были топ-менеджерами одной из крупнейших нефтяных компаний России. Они должны были понимать суть деловых процессов, которые рассматривались с их деле, лучше, чем кто-либо иной.

Суд далее исследовал условия, в которых защита работала в ходе процесса в суде первой инстанции и на стадии кассационного рассмотрения дела. В частности, в ходе судебного рассмотрения дела судья решила ускорить ход процесса и слушать дело каждый день, без перерывов. Однако, у защиты была возможность просить об отложении слушаний, когда в этом возникала необходимость, и такие ходатайства удовлетворялись.

Наконец, на стадии кассационного рассмотрения дела защите было дано более трех месяцев для того, чтобы написать письменную жалобу и подготовиться к устным слушаниям. Защита должна была готовиться к кассационному рассмотрению дела, не имея доступа ко всем материалам, касавшимся хода разбирательства дела в суде первой инстанции; кроме того, имелись сомнения в правильности протокола судебного разбирательства. Однако Суд не установил, что ошибки в протоколе были настолько серьезными, что могли повлиять на надежность приговора. К тому же защита знала о тех процедурных решениях, которые были приняты во время судебного разбирательства, и о тех материалах, которые добавлялись в ходе процесса. У защиты были аудиозаписи процесса, которые могли быть использованы при подготовке кассационной жалобы.

▪ **Вывод: нарушения не было (единогласно)**

Конфиденциальность контактов между заявителями и их адвокатами

Заявители утверждали, что они не могли получать помощь от адвокатов в конфиденциальных условиях, и что это нарушало статью 6 § 1 и 3 (с).

Во-первых, заявители жаловались на то, что один из их адвокатов, г-н Дрель, получал повестки на допрос в прокуратуру. Однако г-н Дрель отказался давать показания, и не был подвергнут за это каким-то взысканиям. Таким образом, по мнению Суда, этот эпизод не повлиял на право заявителей на помощь адвоката.

Напротив, Суд критически высказался об обысках в офисе г-на Дреля, который представлял заявителей по тому самому уголовному делу, по которому проводились обыски, и следователи это знали. Российские власти не объяснили, какой информацией обладал г-н Дрель, насколько она была важна для дела и могла ли она быть добыта иным путем. В тот период времени против самого г-на Дреля не было выдвинуто никаких обвинений. Что важнее всего, обыск в офисе Дреля не был санкционирован судом, как того требовал закон.

Суд также был обеспокоен тем, что администрация СИЗО просматривала все письменные документы, которыми адвокаты обменивались со своими клиентами во время их встреч. Во-первых, у такого требования не было твердого основания в законе: подобные ситуации оставались неурегулированными. Далее Суд отметил, что записки, проекты, планы работы и иные документы, которые юрист составляет для встречи со своим клиентом или во время встречи, являются по общему правилу защищенными от просмотра материалами. Исключение из общего принципа конфиденциальности возможно, но только тогда, когда у властей есть разумное основание полагать, что адвокат злоупотребляет своей профессиональной привилегией, защищая его документы от досмотра. Суд отметил отсутствие каких-либо конкретных фактов, которые бы указывали на то, что заявители и их адвокаты злоупотребляли секретностью контактов. Более того, данная мера применялась на протяжении более двух лет.

Наконец, Суд исследовал условия, в которых заявители общались со своими адвокатами в ходе судебных слушаний. Судья Колесникова требовала, чтобы адвокаты показывали ей все письменные материалы, которыми они обменивались с заявителями. Кроме того, устные переговоры между заявителями и их юристами могли быть услышаны конвойными офицерами, которые всегда, в том числе и во время перерывов в ходе дела, находились поблизости. Суд заключил, что такая ситуация нарушала конфиденциальность общения заявителей с их адвокатами, как устного так и письменного, во время судебных слушаний.

▪ **Вывод: нарушение (единогласно)**

Получение и исследование доказательств

Суд установил, что отказ национальных судов заслушать в судебном заседании двух экспертов, которые подготовили экономическую экспертизу для стороны обвинения нарушал требования статьи 6 §§ 1 и 3 (d). Эти эксперты, несомненно, были «ключевыми свидетелями», так как их выводы лежали в основе части обвинений против заявителей. Защита не принимала участия в подготовке экспертного заключения, и не имела возможности поставить экспертам вопросы на более ранних стадиях процесса. Кроме того, защита объяснила районному суду, почему им было необходимо вызвать и допросить этих экспертов, и не было никаких разумных оснований, которые препятствовали бы их явке.

Далее, Суд высказал несогласие с отклонением по формальным основаниям доказательств, предоставленных защитой, и в особенности аудиторских заключений фирм Эрнст и Янг и Прайс Уотерхаус Куперс. Эти отчеты имели отношение к сути обвинений против заявителей и к экспертным заключениям, уже полученным прокуратурой. По мнению Суда, защита была таким образом поставлена в невыгодное положение по отношению к стороне обвинения. Подход суда означал, что только прокуратура могла выбирать экспертов, формулировать им вопросы и представлять их заключения в суд, тогда как у защиты такого права не было. Единственной возможностью для защиты было получить устные объяснения «специалистов» на суде, но «специалисты» имеют в российском праве иной процессуальный статус чем «эксперты», у них нет доступа к первичным материалам дела, и суд отказался рассматривать их письменные заключения. Таким образом, защита не могла оспаривать мнение экспертов, которых пригласила прокуратура. Этим был нарушен принцип процессуального равенства между сторонами.

▪ **Вывод: нарушение (единогласно)**

[Статья 6 § 2: презумпция невиновности](#)

По утверждению заявителей, тот факт, что во время рассмотрения их дела они находились за решеткой, нарушал их презумпцию невиновности, так как публика могла воспринимать их как преступников. Суд решил, что, в свете его выводов по статье 3, а также в свете того, что было сказано в деле Ходорковский №1, нет необходимости исследовать этот вопрос отдельно по статье 6 § 2.

- **Вывод: не требует отдельного рассмотрения (единогласно)**

Статья 7: предсказуемость применения налогового законодательства

Заявители утверждали, что они стали жертвой совершенно нового и непредвиденного толкования налогового законодательства. По их мнению, торговые компании, которые работали в зоне льготного налогообложения, использовали метод «перенесения места получения прибыли» в эту зону. Этот метод был общеизвестен и соответствовал требованиям закона.

Суд начал с того, что напомнил свои выводы в деле ЮКОС, который касался использования той же самой методики минимизации налогов. В этом деле Суд заключил, что взыскание с ЮКОСа суммы недоплаченных налогов не нарушало статьи 1 Протокола №1 к Конвенции (защита собственности), так как налоговые льготы были получены торговыми компаниями в нарушение закона.

Суд далее отметил, что формы экономической деятельности постоянно развиваются, равно как и методы уклонения от уплаты налогов. Закон в этой части должны быть достаточно гибким, чтобы приспособляться к новым ситуациям. Впрочем, закон не должен становиться непредсказуемым.

Действительно, до дела заявителей российская практика не знала приговоров за использование подобных схем минимизации налогов. Суды обычно отклоняли доводы обвинения о фиктивном характере торговых компаний, функционирующих в «особых налоговых зонах», так как такие утверждения было трудно доказать.

Что касается дела заявителей, Суд посчитал, что вывод национальных судов о притворном характере операций, которые проводили торговые компании, был разумным. Суд решил, что следует отличать схему, созданную заявителями, и законные методы минимизации налогов. Хотя часть этой схемы была известна властям, заявители исказили или скрыли некоторые важные аспекты этой схемы. Так, например, они не объявляли налоговым органам о том, что торговые компании были их аффилированными лицами. Доходы торговых компаний возвращались в ЮКОС не напрямую. Все деловые операции, которые приносили прибыль, совершались в действительности в Москве, а не в «особой экономической зоне». Торговые компании существовали только на бумаге и реально не имели имущества или сотрудников. Минимизация налогов была единственным основанием для создания этих торговых компаний в «особой экономической зоне». Наконец, сложно представить, что заявители, как руководители и сособственники компании ЮКОС, были не в курсе существования этой схемы и не знали, что информация, которая предоставляется в налоговые органы, не отражает реальной природы операций этих торговых компаний. Таким образом, действия заявителей могли быть разумно истолкованы как «предоставление заведомо ложных сведений» налоговым органам, что было определением уклонения от уплаты налогов по российскому Уголовному Кодексу.

В результате, Суд постановил, что даже если применение права в деле заявителей было новым и не имело прецедентов, оно не было неразумным и соответствовало общепринятому пониманию «уклонения от уплаты налогов».

В той части обвинений, которые касались уклонения от уплаты подоходного налога лично Ходорковским и Лебедевым, заявители утверждали, что они оказывали консультационные услуги зарубежным фирмам. Таким образом, налоговые льготы, которые они получали как «индивидуальные предприниматели», были законными. Национальные суды, однако, установили, что консультационные соглашения были фиктивными, и что заявители осознанно предоставили ложную информацию налоговым органам о действительной природе их доходов («гонорары» вместо «зарплаты»). Такие выводы были разумными, и Суд поддержал их.

Наконец, Суд не согласился с аргументом заявителей о том, что длительное непотребление со стороны государства подобным схемам минимизации налогов сделало эти схемы законными и исключило уголовную ответственность. Этот аргумент не был принят, прежде всего, потому, что причины подобного пассивного поведения властей не были ясны. Возможно, что у властей не было достаточно информации или сил, чтобы преследовать заявителей или других бизнесменов за использование таких схем. Потребовалось проведение масштабного уголовного расследования для того, чтобы доказать, что документы, которые предоставлялись налоговым органам, не отражали реальное положение вещей. Наконец, нет уверенности в том, что схемы налоговой минимизации, используемые другими бизнесменами, были точно такими же, как схемы, которые использовали заявители. Суд заключил, что отношение властей к подобным практикам не может расцениваться как осознанное толерирование этих схем, и не было выборочным применением уголовного закона.

- **Вывод: нарушения не было (единогласно)**

[Статья 8: перевод заявителей в удаленные исправительные колонии](#)

Заявители утверждали, что их перевод для отбывания наказания в исправительные колонии в Сибири и на Дальнем Севере сделал невозможными семейные свидания. Суд признал, что данная ситуация может рассматриваться как вмешательство в «частную и семейную жизнь» заявителей. Федеральная Служба Исполнения Наказаний (ФСИН) имела право распределять заключенных из крупных городов в другие регионы, чтобы избежать переполненности камер. Однако, для таких ситуаций российский Уголовно-Исполнительный Кодекс установил простое правило: он допускал отправку заключенного в ближайший регион, но не за тысячи километров. Существовал некий общий план, которым были установлены квоты распределения заключенных между колониями, однако этот план не объяснял алгоритм такого распределения. Трудно себе представить, что ни в одной из многих ближайших к Москве колоний не нашлось места для двух заявителей. Суд подчеркнул, что распределение заключенных по колониям не может оставаться полностью в безграничной власти администрации, и что интересы заключенного в поддержании хотя бы каких-то социальных и семейных связей должны быть как-то приняты во внимание.

- **Вывод: нарушение (единогласно)**

[Статья 1 Протокола №1 к Конвенции: взыскание с г-на Ходорковского убытков](#)

Вместе с уголовным приговором, российские суды приказали заявителям возместить государству более 17 миллиардов рублей в счет неуплаченных ЮКОСом налогов. Суд согласился с тем, что когда компания с ограниченной ответственностью используется только как фасад для мошеннических операций ее собственников или менеджмента, одним из возможных решений для защиты прав кредиторов, включая государство, может быть разрушение той «перегородки», которая обычно отделяет

имущество компании и имущество ее собственников и менеджеров. Однако, такое решение нельзя принимать без серьезной законодательной базы. Ни российский Налоговый Кодекс, ни Гражданский Кодекс не позволяли в то время обращать взыскание по недоимкам налогов, которые должна была заплатить компания, на имущество менеджеров этой компании. Более того, российские суды многократно толковали закон в том смысле, что переложение ответственности за неуплаченные налоги с компании на ее руководителей не допускается. Наконец, Суд подчеркнул, что выводы национальных судов, в части, касающейся гражданского иска, были очень краткими и не содержали ни ссылок на применимое право, ни понятного расчета убытков, как если бы это было незначительной деталью. Суд постановил, что присуждение убытков в пользу государства было произвольным, и, таким образом, в нарушение статьи 1 Протокола №1 к Конвенции.

- **Вывод: нарушение (единогласно)**

Статья 18: политическая подоплека уголовного преследования

Заявители утверждали, что их уголовное преследование было политически мотивированным.

Суд напомнил в этой связи, что вся структура Конвенции исходит из общей посылки добросовестности действий государственных властей. Простого подозрения, что органы власти используют данные им полномочия не для тех целей, которые заявлены официально, недостаточно для того, чтобы доказать нарушение статьи 18. Напротив, для таких утверждений Суд применяет очень высокий стандарт доказывания.

Суд согласился, что ряд обстоятельств ареста и осуждения заявителей косвенно указывает на существование политических мотивов в деле, во всяком случае, на первый взгляд. Действительно, мнение о процессе заявителей как о политическом деле разделяют многие общественные деятели, международные организации и суды в разных странах Европы.

Суд готов признать, что некоторые должностные лица имели свои собственные причины для того, чтобы способствовать уголовному преследованию заявителей. Однако, одного этого факта недостаточно, чтобы заключить, что без этого заявители не были бы осуждены. Ни одно из обвинений против заявителей не касалось их политической деятельности. Обвинения, выдвинутые против них, были серьезными, в них было здоровое зерно. Таким образом, даже если в деле и присутствовали неподобающие мотивы, это не давало заявителям иммунитета от уголовного преследования и не делало все уголовное преследование, с начала до конца, нелегитимным, как это утверждали заявители.

Под конец Суд отметил, что данный вывод не препятствует Суду рассмотреть, с точки зрения статьи 18, последующие события, которые касаются осуждения заявителей во втором уголовном деле.

- **Вывод: нарушения не было (единогласно)**

Статья 34: давление на адвокатов заявителя (г-на Ходорковского)

Г-н Ходорковский утверждал, что власти оказывали давление на его адвокатов с тем, чтобы помешать его жалобе в Страсбурге. Суд отметил, что г-н Ходорковский представил очень детализированную и хорошо обоснованную жалобу, из которой следовало, что власти заняли враждебную позицию по отношению к команде его защитников, особенно по окончании процесса, что прокуратура приняла несколько попыток лишить статуса адвокатов Ходорковского, что адвокаты были подвергнуты

финансовым и административным проверкам, а также что двум иностранным адвокатам Ходорковского было отказано в визе, а один был выдворен из России в срочном порядке. Цель дисциплинарных и иных мер против адвокатов г-на Ходорковского не ясна, и Правительство не представило своих соображений на этот счет. Таким образом, естественно предположить, что подобные меры были связаны с его делом в Суде. Суд пришел к выводу, что власти нарушили свое обязательство по статье 34 не вмешиваться в подачу индивидуальных петиций в Суд.

▪ **Вывод: нарушение (единогласно)**

Справедливая компенсация (Статья 41)

Суд присудил в пользу г-на Ходорковского 10,000 Евро за моральный ущерб. Требование г-на Лебедева о возмещении имущественного вреда было отклонено полностью.

Постановление Суда доступно только на английском языке. Далее см. английский текст пресс-релиза

Данный Пресс-релиз составлен Секретариатом и не является обязательным для Суда. Решения и постановления Суда, а также иная дополнительная информация опубликованы на интернет-сайте www.echr.coe.int. Для желающих подписаться на выпуск Пресс-релизов Суда, просьба зарегистрироваться на сайте www.echr.coe.int/rss или следите за нашими сообщениями в Твиттере [@ECHR_Press](https://twitter.com/ECHR_Press).

Контакты для прессы

echrpess@echr.coe.int | tel: +33 3 90 21 42 08

Tracey Turner-Tretz (tel: + 33 3 88 41 35 30)

Nina Salomon (tel: + 33 3 90 21 49 79)

Denis Lambert (tel: + 33 3 90 21 41 09)

Jean Conte (tel: + 33 3 90 21 58 77)

Европейский Суд по правам человека был создан в Страсбурге в 1959 году государствами-членами Совета Европы для рассмотрения жалоб о нарушениях Европейской Конвенции по правам человека 1950 года.